

*Книга -
беспокойство*

~ Посвящается тем, кто страдает

~ От автора ~

Лет пять тому назад, мною была написана книга, точнее сказать, книжица, которую я несколько патетично назвал «Книга-беспокойство». С небольшим промежутком, она была переведена на английский язык, видимо, не совсем удачно, поскольку, пробегаясь глазами по переводу после длительного перерыва, я нашел немало мест, достойных лучшего изложения. Более того, не только чисто лингвистически оказалось над чем поработать, но и содержание местами оставляло желать лучшего. Это меня сподвигло усовершенствовать перевод в обоих смыслах, в результате чего, в том числе, были проговорены моменты, намеренно и несколько стыдливо упущенные в русском оригинале. Таким образом, у сего творения оказалась довольно любопытная судьба – быть написанным на русском, доведенным до ума на английском и переведенным обратно на русский. Поскольку автор и переводчик суть одно лицо, потеря смыслов или слишком вольная трактовка в переложении с одного языка на другой как бы исключены.

Еще один технический момент. В конце книги не будет библиографии или чего-то в таком роде, а при цитировании, помимо имен авторов или названий источников, не собираюсь давать дополнительных маячков в виде глав, номеров страниц и так далее. Взять хотя бы то, что в век интернета читателю не составит особого труда проверить всё на подлинность. Но главная причина сего сознательного небрежения – это интимный монолог, попытка сообщить нечто чрезвычайной важности, и какая-то «прилизанность» вплоть до правильно оформленных сносок и ссылок кажется мне излишней. Помимо интернета, читатель, скорее, должен будет полагаться на здравый смысл и чутье.

“Книга-беспокойство” была и остается видением единой точки отсчета для различных духовных и идеологических течений, равно как и конечного их пункта, если угодно — апокалиптического финала. Сплелось это видение из моей внутренней опытности, знакомства с религиозной, философской и психологической мыслью, жизненных наблюдений и сопоставлений на протяжении немалого количества лет. Это позволяет говорить о некоторой

основательности моих взглядов. Чтобы несколько упростить себе жизнь, во избежание многочисленных «мне кажется», «вероятно», «возможно» и прочих экивоков, буду всё писать так, как это вижу и чувствую. Над всем этим, конечно же, будет витать негласная договоренность с читателем, что всё написанное или, с другой стороны, прочитанное отражает мою личную точку зрения, ни больше, ни меньше.

В каком-то смысле, я возлагаю на себя миротворческую миссию, хотя делаю это с мечом различения, который в чьи-то души мира точно не принесет. Насколько я «блажен», как определяет миротворцев Библия, судить ее главному действующему Лицу.

Если читатель готов проследовать за мной несмотря на всю претенциозность сказанного выше – в путь.

Апрель, 2020 г.

~ Предисловие ~

Люди говорят, когда утрачивают покой в своих мыслях
Халиль Джебран

Если верить чтимому мною писателю и поэту, выходит, я утратил покой, поскольку речь моя обещает растянуться на многие страницы. Честно признаться, он прав, покой мой действительно омрачен. Вопрос в том, кому нужно мое беспокойство, зачем его навешивать на чужие головы, если у каждого его хватает и так, нередко, выше головы? Вероятно, читательский интерес должен вызваться тем, что помимо беспокойства внутри меня есть тихий уголок. Это будет частью ответа. Речь же пойдет, словами другого поэта, «о добре и зле, о лютой ненависти и святой любви» – вещах, действительно стоящих огласки. Хотя мне не чужда любовь к поэзии, как, вероятно, успел заметить читатель, вышеозначенные мотивы буду раскладывать на «элементарные частицы», рассматривать их «под микроскопом», выводить какие-то закономерности, в общем, заниматься чем-то если не будничным, то весьма

прозаичным. Этому, однако, имеется объяснение. Говорят, дьявол, читай, ненависть, кроется в деталях. Если их проговорить, вывести на свет Божий – зачастую, в ущерб поэтичности и прочим украшениям – то можно изгнать нечистого с занятых им рубежей. По крайней мере, попытаться. Но хватка его крепка, и в этом, пожалуй, главная причина моего беспокойства.

В одной из школ суфизма, «глубоководного» течения ислама, самый страшный грех – быть оскорбленным. Возможно, это вызовет недоумение у тех, кому созвучно более привычное и понятное «Не убей», «Не прелюбодействуй» и так далее. Суфийская заповедь заходит несколько издалека. Говорят, Бог есть истина. И еще, что Бог непоругаем. Следуя этой логике, истина непоругаема. Продолжая в том же ключе, *тот, кто стоит на истине*, также становится непоругаем, и, в этом смысле, оскорбление есть ничто иное, как проверка его духовных основ. По сути, непоругаемость означает сохранение покоя. После всех этих выкладок можно сказать, что покой есть признак истинности или истины в некоем абсолютном значении. Если по-простому, более «светским» языком: собака лает – слон идет.

Однако, покой не исключает какой-то событийности или «колебательных движений». Скажем, волнение на море несколько не противоречит безмятежности его глубин. Точно также запрет на богохульство, к примеру, легко может

сосуществовать с непоругаемостью Бога. Даже если хула действительно способна вызвать Его гнев, читай, шторм, то это, в первую очередь, чревато для хулителя существенной встряской. Ничто не «прилипнет» к Богу, не повлияет на Его самосознание. В этом проявится Его покой.

Возвращаясь на человеческий план и уже говоря о покое и колебаниях в самом широком смысле, любая потребность, желание, влечение или интерес – можно назвать это совокупно *жаждой* – будет нарушать условное равновесие или устоявшийся порядок вещей. Утоление жажды должно возвращать утраченный мир и, возможно, становиться ступенькой для более глубокого умиротворения с присущими ему более утонченными и возвышенными жаждami и так далее. Утрата покоя и возвращение к нему, обогащенным или, наоборот, опустошенным, создает если не рисунок, то чертеж человеческой жизни.

Снова к высоким материям. Если абсолютный покой, истина и Бог суть одно, наиболее возвышенной можно назвать ту жажду, что утоляется познанием истины, приобщением к

извечному покою Бога. Особенность этого покоя, помимо его незыблемости, в том, что он неотделим от радости. К примеру, в философии веданты формула «сат-чит-ананда» – бытие-внимание-радость – описывает природу Бога. Ощущение радости или утоление жажды на более низких ступенях происходит благодаря контрастности переживаний, игре противоположностей, по сути, мужского и женского начал.

Движение от неких имитаций покоя к покою истинному есть «срединный путь» или «прямой путь», или просто «Путь». На этом Пути упомянутые выше противоположные начала превращаются в спутников и, в конечном итоге, должны слиться в некое неразрывное целое. Под разными именами в различных духовных традициях этими спутниками выступают пары инь-янь, тамас-раджас, луна-солнце, навь-явь и так далее. Более или менее тождественным Пути будет Дао, саттва, Великое Делание, правь. Выбрав из всего этого многообразия луну и солнце, а также Путь, пожалуй, двинусь с ними дальше.

Для удобства можно представить ось, читай, Путь, вокруг которой обвиваются две спирали, солнечная и лунная,

постепенно ускоряясь и истончаясь по направлению к ее вершине. Несколько более объемно это будет выглядеть как ступенчатая, конусообразная конструкция, что-то наподобие буддистской ступы. Так или иначе, при отклонении любой из спиралей всё это, скорее, напоминает маятник – на смену союзничеству приходят негативные зависимости и отношения. Но об этом несколько позже.

О качествах солнца и луны. Если более абстрактно, свет, порядок, теплота, жесткость, легкость, раскрепощенность, присущие солнцу, будут оттеняться темнотой, хаотичностью, холодом, мягкостью, тяжеловесностью, косностью луны. В приложении к человеческой личности – главному предмету сего повествования – солнце выражается как проактивность, динамизм, сознание, различение, осмысление, трансцендентность. Лицами луны будут восприимчивость, желания, эмоции, чувства, подсознание, интуиция, память. Можно сказать, что из различных солнечных отсветов складываются индивидуальность или «я» человека, а луна их сопрягает с некоей вещественностью, чувственностью, принадлежностью к общему целому. Вместе они образуют

динамичную *самость*. Здесь динамичность не только подразумевает «текущие» состояния, способные меняться стремительно, ежеминутно, ежечасно. В долгую, это либо восхождение, либо нисхождение по оси Пути – как правило, третьего не дано – и присущие всему этому стадии покоя и радости. Кажется, некоторые индивиды оказываются влекомы восходящим потоком вплоть до Всевышнего или истины, или незыблемого внутреннего покоя. Среди прочего, это делает их менее чувствительными к каким-то словесным выпадам в их адрес.

Вот почему для некоторых последователей суфийской традиции самый страшный грех – быть оскорбленным.

В моих кружениях вокруг да около, вверх и вниз, может показаться, что я катаю читателя на американских или, если угодно, русских горках. После первой главы кого-то могло с непривычки укачать. В целом же, повествование будет строиться как развертывание спирали, то есть буду говорить примерно о тех же самых вещах, с каждым витком раскрывая всё больше каких-то нюансов. Иными словами, спокойного, линейного рассказа, как ни крути, не получится. Если общая динамика *самости* более или менее прояснена, ее составные части стоит рассмотреть при большем увеличении (разве я не обещал использовать микроскоп?).

За исходную точку во всей этой сложносочиненной конструкции можно взять инстинкт самосохранения. Ощущение уязвимости и страх, исходящие от луны, сопряжено здесь с солнечной реакцией борьбы или бегства. *Животное «я»*.

Навскидку, следом идет инстинкт размножения. Мужская или женская, иными словами, активная солнечная или более

пассивная лунная сексуальность обуславливает *гендерное «я»*.
Здесь лунная чувственность также спаяна с солнечным
смыслом продолжения рода.

Покорность в самом общем значении будет еще одним
основополагающим качеством луны, тяготеющей к внешнему
солнечному источнику силы. Внутренний солнечный аспект –
своя собственная властность. «Я» *слуги/хозяина*.

Чувство эстетики и творческое наитие становятся новыми
дарами луны. Солнце их будет высветлять в какие-то
конкретные, законченные формы и смыслы. «Я» *творца*.

Следующим лунным ликом является стремление к
накопительству и обладанию, а солнце будет его переводить
на язык символов – имущество, деньги, статус и тому подобное
– и претворять в жизнь. «Я» *обладателя*.

Любовь, более тонкий лунный свет, будет сиять несколько
выше. В первую очередь, она направляется на ближайший
круг, сиречь родителей, братьев и сестер, далее – на супруга и
детей. Благодаря солнцу происходит осознание своей роли и

обязанностей. Иными словами, на этом уровне зарождается любовь и ответственность. *Семейное «я».*

В *социальном «я»*, чувство материнства, отцовства, братские и сыновние чувства, равно как сестринские и дочерние, суть лунное сияние, направляются на людей, не связанных кровными родственными узами. Это происходит благодаря тому, что солнечные лучи освещают новые просторы, равно как ответственности и роли с ними связанные, и позволяют проявиться более утонченному чувству любви, сопричастности, сорадования и сострадания. Тончайшей формой *социального «я»* будет ничем не обусловленное *универсальное «я»*.

Все вышеупомянутые «я» в *самости* показаны не в хронологическом порядке, а, скорее, по мере утоньшения солнечного и лунного света. За их отслеживание и, по необходимости, корректировку будет отвечать *созерцательное «я»*, охватывающее все эти уровни и, одновременно, их превосходящее. Память, опыт, ощущение весомости со

стороны луны вкупе со всеми осознанными идеями и принципами через посредство солнца будут его столпами.

До сих пор во всех этих «я» не значился Путь, который, в идеале, незримой нитью проходит через все союзы солнца и луны, предотвращая искажения и перекосы. По сути, это означает *гармонию между внутренним и внешним*. В этой гармонии, к примеру, *животное «я»* не будет нагнетать страх или принимать излишние меры для собственной защиты без реальной, соразмерной опасности. Или, скажем, *гендерное «я»* будет ограничено узами супружества, понимаемого как союз мужчины и женщины, а также *благоприятными формами сексуальности*, в отношении которых основные мировые религии более или менее сходятся в оценках. Иными словами, гармония в границах Пути неразрывно связана с понятием «благоприятности», лично мною понимаемой как сплав нравственности, функциональности и эстетичности.

Если все «я», от низших до более высоких в иерархии, пребывают в гармонии, это создает наилучшие предпосылки для проявления *Божественного «я»*. Если мне позволено судить

об этом уровне, здесь достигается максимально тонкое и целостное восприятие, а сообразные ему действия свершаются в состоянии глубокого покоя. Библейский образ льва и агнца, мирно лежащих вместе в раю, вполне может символизировать высочайшую гармонию солнечного и лунного начал. Коран несколько иначе живописует райский сад, однако главная фраза его обитателей – «мир», суть покой. Бхагават Гита говорит о состоянии йоги, союза с Божественностью, как о «действии в бездействии». Если под бездействием понимать совершенный покой, в общем, вырисовывается та же картина. Помимо прочего, всё это прекрасно согласуются с суфийской заповедью в несколько расширенной ее трактовке.

Вернусь, однако, на более низкие ступени. Как уже говорилось, солнцу присуща трансцендентность, то есть стремление выйти за некие условные рамки. Луна же склонна замыкаться на себе. В этом смысле, Путь становится чувством меры для обоих начал, ограничивает их естественные, несколько эгоцентричные или эгоистические наклонности, тем самым увлекая за собой.

В отношении *животного* и *гендерного* «я» примеры уже приводились.

Идя дальше по нарастающей, в «я» *слуги/хозяина* для луны должен действовать ограничитель «Не создай себе кумира». Солнце, со своей стороны, обязано признавать необходимость высшего авторитета, то есть иметь понятие о смирении.

В «я» *творца* Путь будет проявлен примерно следующим образом. Ориентиром для творческого вдохновения или наития – даров луны – будет уже знакомая благоприятность. Кроме того, вдохновение должно быть выражено, а не томиться в плену воображения, поэтому Путь его будет как бы «выталкивать» к солнечному свету. С другой стороны, солнце должно выражать то, что имеет под собой какую-то реальную основу, а не пускаться во все тяжкие, излучая свои собственные смыслы. Иными словами, мерой для солнца на этом уровне, как, впрочем, и на всех последующих, будет ощущение реальности.

Стремление к накопительству в «я» *обладателя* будет умеряться способностью довольствоваться малым. Благодаря

этому луна, «насытившись», будет более склонна отдавать, то есть проявлять щедрость. Ее солнечным эквивалентом будет чувство достоинства, основанного на умеренности. Выход за эти рамки будет означать излишнее тяготение в сторону символического – статуса, первенства, превосходства.

В *семейном «я»* Путь будет сохранять тонкость лунного сияния, сиречь любви, во избежание излишнего замыкания и растворения в родственных узах. Солнце, со своей стороны, получает понятие о взаимности. В противном случае, оно склонно эксплуатировать чужие чувства. Примерно тот же принцип работает в *социальном «я»*, только в более широком контексте.

Что касается *созерцательного «я»*, здесь луна тяготеет в сторону весомости и незыблемости знания, а солнце занимает более критическую позицию. Путь становится чем-то вроде третейского судьи. С одной стороны, «непогрешимость» луны будет испытываться новым, солнечным знанием; с другой, в противовес солнцу будет предлагаться нечто хорошо испытанное и сбереженное лунной. Гармоничный союз солнца

и луны на этом уровне достигается приверженностью обоих истине или некоему высшему порядку, во многом — способностью отпустить ненужный «груз» прошлого.

В свете вышесказанного, в *Божественном «я»* объединение солнца и луны будет означать наиболее деликатное, тонкое, интимное слияние смысла и весомости. Глубокое и ясное сознание, суть солнечный свет, будет окрашено тончайшей любовью — светом луны. К примеру, буддизме что-то наподобие именуют «Бодхи». На языке йоги это звучит как «Нирвикальпа самадхи» — осознание без сомнения.

Если подытожить основные качества Пути, освящающие гармонии луны и солнца: покой, благоприятность, чувство меры и объективность. Один важный момент: покой и радость становятся более тонкими и продолжительными с каждой последующей гармонией, а их кратковременные и грубые формы как бы будут отходить на задний план. К примеру, чувство материального достатка и семейного благополучия умеряет сексуальное влечение, но, в свою очередь, само теряет вес из-за более высоких эмоций, в том числе исходящих из

социального «я». Скажем, ради защиты своей родины солдаты оставляют семьи и уходят на войну. Социальное «я» способно расшириться до универсального – над-полового, над-расового, над-кланового, над-этнического, над-конфессионального, где во главу угла ставится истина, и в угоду ей жертвуется всё остальное. Во многом это происходит благодаря созерцательному «я». Сократу принадлежат слова: «Платон мне друг, но истина дороже». Есть более жесткое евангельское высказывание, передающее тот же смысл:

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня.

Вероятно, эта истина должна смягчиться тем, что взамен всему, приносимому ей в жертву, дается нечто такое умиротворяющее и прекрасное, что должны исцелиться все полученные на пути к ней раны. В том случае, конечно, если берется последняя высота.

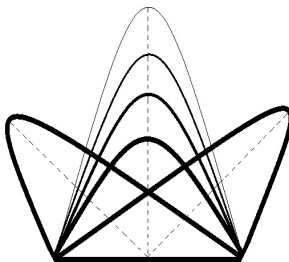
Следование Пути вплоть до достижения каких-то сияющих высот – это идеальный сценарий. Однако, как это часто бывает с идеалами, происходит это крайне редко. Что бы там ни говорили последователи суфийской и прочих традиций, есть еще одна фраза, перечеркивающая многие благие начинания: «Человеку свойственно ошибаться», читай, отклоняться. Верным признаком отклонения будет *несостыковка* солнца и луны на какой-то высоте и, как следствие, излишнее притяжение или подверженность каждого из них более грубому «сиянию» своего компаньона. Иными словами, при отклонении от Пути возникает некая дисгармоничность. Ранее я сравнил это отклонение с качанием маятника. Чтобы как можно лучше запечатлеть эту динамику, добавлю сюда еще несколько штрихов.

Читателю предлагается немного пустить в ход воображение, представив пружину в форме дуги, прикрепленную обоими концами к горизонтальной плоскости. В верхней точке дуги будет что-то вроде перемычки, разделяющей ее на две равные

стороны или боковинки. Через центр дуги будет проходить вертикальное силовое поле, постепенно и равномерно поднимая пружину, сближая ее боковинки и предохраняя их от чрезмерных колебаний.

При настойчивых попытках одной из боковинок «перетянуть одеяло» на себя и уклониться от силовых линий поля – подобное своеобразие также необходимо учесть в воображаемой картине – она будет в той или иной мере лишаться его поддержки. Кроме того, ограничителем и противовесом отклонившейся стороне становится одновременно ее собственное основание, а также другая боковинка. Последняя будет натягиваться сильнее, тем самым увеличивая свою «потенциальную энергию». Если курс движения никак не выпрямляется, то есть не происходит отцентровка, то колебание или схлопывание пружины в противоположную сторону – наискось вниз – становится неизбежным. Просто, чтобы подчеркнуть: схлопываются *обе* стороны, вопрос лишь в уклоне. Вероятно, нетрудно догадаться, что пружина символизирует взаимосвязь солнца и

луны, двух боковинок, в силовом поле Пути. Ниже очень схематично показана эта «эквилибристика»:

Если еще слегка пофантазировать, солнечная сторона будет иметь довольно мало изгибов, и, в основном, это касается ее *нити* или верхней части. У самого же основания она подобна прямому, толстому *жгуту*. Лунная боковинка целиком спиралевидна, начиная от больших, тяжеловесных *колец* вплоть до более легких и маленьких *витков* в верхней ее оконечности. По большому счету, к восхождению стремится или склонна лишь верхняя часть пружины благодаря *отпечаткам*: некоторая витиеватость *нити* суть влияние луны, а большая легкость и подвижность *витков* – след солнца. Это

делает возможным более глубокое взаимопроникновение и сопряжение светил. Даосский символ «инь-янь», в котором каждое из начал содержит в себе частицу своей противоположности, в общем, отражает этот принцип:

Что касается нижних частей – *жгута* и *колец* – они слишком поляризованы, чтобы нести в себе *отпечатки*. В этой связи, поиск своей противоположности или дополнения на этом уровне направлен практически полностью вовне.

Переводя всё это на более нормальный, человеческий язык, уровень *жгута* и *колец* означает удовлетворение сущностных потребностей в безопасности и довольно приземленных удовольствий, заботу о статусе, а также относительно грубые эмоциональные привязанности и наития. *Витки* и *нить*

сообщают жизни более высокий смысл, будь то создание произведений искусства, стремление к более справедливому мироустройству, поиск научной истины или истины в некоем абсолютном значении, подкрепленный более тонким чувством вдохновения, любви, сопричастности. Вкратце, они становятся источником идеализма посреди тривиального, низменного, будничного.

Перед тем, как двинуться дальше, и если читатель мне позволит (собственно, у него нет выхода), дам более четкое определение «отклонению». Как уже говорилось, отклонение происходит в результате несостыковки солнца и луны на некоей высоте, то есть между *нитью* и *витками*. Однако, возможна и более незамысловатая ситуация — преобладание *жгута* и *колец*. Возможно, это прозвучит довольно резко, но, по сути, это означает животную или полуживотную жизнь. Памятуя о гармонии между внутренним и внешним, в частности, *внешностью*, человеку подобное существование не к лицу. В этой связи, более уместным здесь будет говорить не об отклонении, а *перевороте*, сиречь приоритете грубого над тонким. Кроме того, если отклонение приводит к

дисгармонии, то *переворот*, в каком-то смысле, есть гармония, но очень хрупкая, лишенная утонченности. Речь не о том, чтобы грубым материям не быть – дело в *приоритете*. Так или иначе, отныне «отклонением» будет обозначаться приоритет правильных вещей, но в неверной, нездоровой форме; «переворотом» буду называть главенство низменных вещей в ущерб более возвышенным.

Кажется, наступил подходящий момент перекинуть мостик между предыдущей частью повествования и всей новой «терминологией» или, если угодно, жаргоном. Низу пружины, то есть *жгуту* и *кольцам*, будет соответствовать *животное* и *гендерное «я»*, а также «я» *слуги/хозяина*, «я» *творца* и «я» *обладателя*. Условный водораздел между низом и верхом будет проходить через *семейное «я»*. Иными словами, для обретения человеческого подобия нужна, как минимум, любовь и ответственность по отношению к другим живым существам. Верх – *нить* и *витки* – охватывает собой *социальное* и *созерцательное «я»*, в некоторых случаях дотягиваясь до Божественной высоты.

Вероятно, всё сказанное в этой главе несколько сложно для восприятия, поскольку во многом зависит от силы воображения. Лично мне понадобилось около пятнадцати лет, чтобы все эти вещи сложились именно в такой мозаике. Читатель может спросить, мол, к чему все эти излишние технические подробности? Всё это было подготовкой, чтобы в дальнейшем как следует прозондировать бастионы нечистого. Он, как известно, кроется в деталях.

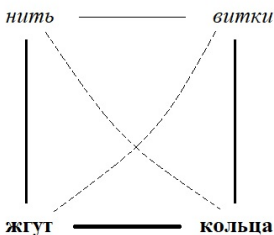

В привычном понимании, мифы – это занятные, захватывающие истории, кажется, предназначенные для детей (если в них нет ничего «для взрослых») либо же простачков, принимающих всё за чистую монету. В мифах можно найти какую-то практическую мудрость, более или менее достойную зрелого сознания. Если же верить некоторым исследователям человеческих душ, казалось бы выдуманные сюжеты могут нести в себе глубинные смысловые пласты, обычно упускаемые из виду. К примеру, два основных отклонения, сопутствующих обозримой истории человечества, вплетенных в самую ее ткань, вполне могли обрядиться в мифологические одежды. Во многом о них собираюсь здесь вести речь. Перед этим, однако, внесу ясность в *здоровые* отношения между жгутом и кольцами с одной стороны и нитью и витками с другой. Иными словами, прежде, чем говорить об отклонениях, сперва следует определиться с нормальностью. Помимо отклонений также коснусь *переворота* – приоритета низменного над возвышенным – и попытаюсь найти и для него какое-то мифологическое или религиозное «одеяние».

Просто напомним: всё это для того, чтобы оставить дьяволу как можно меньше темных укрытий.

В более грубых или низменных вещах нет ничего заведомо дурного, если они не пытаются занять неподобающую им высокую нишу. Иными словами, если не имеет место *переворот*. Более того, низкие «я» – ареал *жгута* и *колец* – могут способствовать общей устойчивости *самости*: перед тем, как строить верхние этажи, необходимо заложить надежный фундамент. Для более высоких «я», в которые вплетены *нить* и *витки*, *жгут* и *кольца* не только становятся основанием, но также инструментом и средством выражения. В общем и целом, *кольца* означают способность к субординации, простые радости жизни, зачатки творческого вдохновения и интуиции, в том числе, некое размытое понятие о божественном начале. *Жгут*, в свою очередь, в принципе позволяет заниматься деятельностью и как-то самоутверждаться, защищать себя или других, заниматься творчеством, учиться, добывать блага, размышлять, хотя и на довольно приземленном уровне. *Нить* и *витки* наилучшим образом проявятся на устойчивом основании, сообщая поддерживающим их *жгуту* и *кольцам*

утонченность, благородство, красоту. Их идеальные «перекрестные» взаимоотношения можно резюмировать так: *нить* властвует над *жгутом*, *витки* – над *кольцами*; благодаря близости *нити* и *витков*, *нить* не тяготеет излишне к *кольцам*, а *витки*, в свою очередь, не попадают под слишком большое влияние *жгута*:

Возвращаясь к реальности, идеалы, как уже о том говорилось, воплощаются довольно редко. Скажем, имеются *витки*, читай, тонкая любовь вместе с какими-то ее спутниками вроде интуиции, но *нить* – высокое мышление и самоконтроль – не может составить им компанию. Вместо этого, они вынуждены, по большей части, иметь дело с более невежественным, приземленным, агрессивным *жгутом*. Может стать и так, что *нить* – там, где ей и положено находиться,

однако поблизости не оказывается *витков*. Неизбежной отдушиной для *нити* становятся *кольца*, то есть более грубая чувственность. В обоих случаях, имеет место *мезальянс*, и всё указывает на то, что обе эти ситуации обыгрываются мифологически.

Мезальянс между *витками* и *жгутом* по сути своей означает ограничение, подавление тонкой любви и ее спутников рамками узкого, наивного, слишком конкретного и неповоротливого мышления. На языке мифа это будет выглядеть примерно так: юная, прекрасная дева похищается могущественным и, как правило, малосимпатичным антигероем, демоном, который заключает ее в какую-нибудь башню или «темницу сыру». Стоит отметить, что несмотря на всю свою власть, демон не принуждает или не способен принудить деву к близким отношениям, по крайней мере, в известных *мне* историях. Это как раз объясняется тем, что неотесанному *жгуту* не хватает утонченности, его низкая «частота» не совпадает с высокочастотными *витками*, переходя на язык физики. Пару им может составить лишь *нить*, читай, более высокое, широкое, гибкое мышление, олицетворенное

добрым молодцом, принцем, рыцарем, неизменно сражающим демона, чтобы затем взять прекрасную деву в жены. Примером здесь может послужить эпос «Рамаяна», где принц Рама вызволяет свою супругу Ситу из плена демона Раваны, равно как и различные вариации истории об Иване-царевиче, сокрушающего какого-нибудь Кащея бессмертного, чтобы вызволить Елену ли, Василису ли, прекрасную ли, премудрую – оба этих качества вполне свойственны *виткам*.

Второй тип мезальянса между *нитью* и *кольцами* психологически означает более или менее высокие идеалы, разведенные с целомудренностью и набожностью – спутниками тонкой любви, а следовательно и отстоящие от самой любви, то есть *витков*, на некотором расстоянии. Поскольку *витки* не могут составить должную пару *нити*, они заменяются *кольцами* – более низменной чувственностью. В самом широком смысле, имеет место идеалистическое движение вверх, но *наискось*, неизбежно приводящее к падению. К примеру, миф об Икаре вполне может олицетворять подобную ситуацию. Здесь Икар будет отклонившейся *нитью*, а его движение к солнцу указывает,

собственно, на вектор отклонения. Восковые крылья символизируют *отпечатки витков*, способные поддерживать *нить* какое-то время. Чем ближе к солнцу и дальше от *витков*, тем больше их *отпечаток* истаивает. В конечном счете, Икар падает в море, суть низменное женское начало (вода есть универсальный символ женственности, в зависимости от контекста – утонченной либо грубой), или, на моем жаргоне, схлопывается в сторону *колец*.

Если как-то условно обозначить эти два вида отклонения, *подавленная любовь* и *необузданный идеализм* кажутся вполне приличествующими названиями. Каковы последствия обоих в реальной жизни, а не только в мифах, читатель, вероятно, представляет более-менее отчетливо и без моей помощи, хотя чуть попозже поделюсь собственными мыслями на этот счет.

Разделавшись с отклонениями, скажу несколько слов о *перевороте*. В ситуации со слабыми «проростками» *нити* и *витков*, о каких-то взлетах и падениях речь вести не приходится. Здесь динамика ограничивается *жгутом* и *кольцами*, которые вполне довольствуются друг к другом. Если

подобный психологический портрет и нашел какое-то отражение в мифах, то больше как эпизодические роли, статисты, массовка, одним словом – фон для деяний героев и антигероев. *Переворот* может показаться чем-то довольно безвредным. Однако, он может оставлять негативный след на жизнях многих людей и других живых существ во всех случаях, когда неоправданная агрессия, чрезмерная грубая чувственность, равнодушие к какому-то более широкому взгляду на вещи, не говоря уже о каких-то высоких материях и смыслах, становится тому виной. Кроме того, это равнодушие способно прокладывать дорогу для большего зла помимо чисто индивидуальной духовной неосуществленности. Вероятно, именно потому библейская Книга Откровения, которую условно (повторюсь – условно) можно поместить в один ряд с мифами, говорит следующее о, предположительно, «перевернутых»:

Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем

не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг.

И всё же, *переворот* с некоторым флером наивности кажется не таким злокачественным как его крайняя форма *низвержение*, суть сознательный, идеологизированный приоритет низменности, к примеру, грубый материализм или, того хуже, сатанизм, придающий особую темную или, лучше сказать, грязную окраску всему «перевернутому». По большому счету, это означает всевозможные формы садизма и извращений, «мерзость пред Господом», деяния жгута и колец, далеко выходящие за рамки Пути.

Продолжая в мифологической или, если угодно, религиозной канве, Бафомет, демоническая фигура, к которой многие сатанисты относятся с почтением, имеет козлиную голову. Ее три составные части – рога, собственно, сама голова и борода – вполне могут символизировать три лика зла. Два рога, *подавленная любовь* и *необузданный идеализм*, есть зло, совершаемое с прицелом к высоте, то есть с благими намерениями. Голова – «ни холодный, ни горячий» *переворот*, по большей части, невежественное зло и равнодушие к чему-то

более высокому, есть благодатная почва для большего зла; борода в самом низу есть *низвержение*, полусознательное или сознательное зло, практически полностью отворотившееся от Пути. К слову, некоторые в голове Бафомета усматривают перевернутую пентаграмму, фигуру, которая в нормальном своем положении символизирует идеалистическую ориентацию.

В свете всего вышесказанного стало возможным более или менее ясно ответить, что есть добро и зло, и откуда проистекает лютая ненависть. Если помнит читатель, эти мотивы затрагиваются мной в предисловии. В общем и целом, добро следует понимать как совместное гармоничное движение вверх солнца и луны и всё, что из этого проистекает. Зло варьируется в степенях, начиная от отклонений и вплоть до *низвержения*, самой крайней точки падения. Кажется, те, кто низвергают высоту, сами оказываются исторгнутыми из поля Пути и лишаются всех радостей, ассоциируемых с более высокими гармониями. Отсюда и лютая ненависть.

Остается еще один мотив, озвученный поэтом – «святая любовь», объект лютой ненависти, помимо всего прочего. Она заслуживает отдельной главы.

Святость чего-то, в частности, любви, непреложно наводит на мысли о божественности. По крайней мере, лично я не вижу смысла говорить о вещах, не дотягивающих до этой высоты. Однако, перед тем, как подступиться к святой, читай, божественной любви, которая, вероятно, представляется чем-то прекрасным и замечательным со всех сторон – не по этой ли причине о ней писать поэтам? – хотелось бы вернуться к уже знакомым евангельским строкам:

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня.

Если читатель помнит, я попытался несколько смягчить эти слова, положив достижение Божественного «я» на другую чашу весов. И всё же, чисто с человеческой точки зрения, это и многие иные высказывания об или от имени божественной любви, свидетельствующие о ее ультимативности и жёсткости, либо просто честные жизненные наблюдения могут навести на довольно мрачные мысли: эта любовь, кажется, не особенно церемонится с живыми существами, включая людей, когда

выполнение ее воли сопряжено с их страданиями; либо же, те, кто рассчитывают на ее покровительство и защиту, могут жестоко в этом обмануться, столкнувшись лицом к лицу с великим злом; или, если говорить о прямом божественном наказании, тем, кто вкушает его, далеко не всегда бывают понятными его причины. Иными словами, помимо ненависти «низвергнувших высоту», может быть в чем-то оправданная неприязнь у павших не столь же низко, но, тем не менее, изрядно потрепанных жизнью. Это чувство может усугубиться тем, что божественная любовь, в то же самое время, изображается как милостивая, милосердная, сострадательная, терпеливая, защищающая и обладающая многими иными качествами, не вполне стыкующимися с ее парадоксальной «темной стороной». Поэтому, прежде, чем говорить о святой любви, хотелось бы подчеркнуть, что предмет разговора довольно тонок, сложен, трудноуловим и загадочен. Учитывая, что эта любовь создала меня и, вероятно, наметила мое вероятное будущее на более или менее обозримый срок, еще неизвестно, кто о ком здесь напишет. Так или иначе, с имеющимся у меня ограниченным пониманием, а также с

известным почтением попробую несколько приподнять вуаль с ее таинственного лица.

Кто-то сказал, что мир явленный есть символ, предположительно, чего-то потустороннего, по крайней мере, более тонкого, чем доступное пяти органам чувств. На протяжении всего повествования я говорил о солнце и луне, по сути, мужском и женском началах, вполне способных символизировать что-то или кого-то, создавшего этот мир с его неисчислимыми солнцами, лунами, планетами, черными дырами и так далее. Это что-то или кто-то – пожалуй, достаточно кружить вокруг да около – есть Бог, и как мужское, так и женское начала кажутся присущими Его – или Ее? Их? – природе. Из практических соображений, буду говорить о мужской и женской ипостасях Единого как о *Свете* и *Любви*. Несмотря на их единство, кажется, между ними существуют и отличия, стоящие того, чтобы внести сюда как можно большую ясность. В этом буду руководствоваться принципом «что внизу, то и наверху».

Согласно Библии, человек создан по образу и подобию божиему. Коль скоро этот образ отражает устройство человеческой души, а не какие-то физиологические моменты, Свет и Любовь можно сравнить с интеллектом и эмоциями, но на неизмеримо более высоком, божественном уровне. Восходя в границах Пути, солнечная нить качественно стремится к Свету, а лунные витки – к Любви. Их слияние в *Божественном* «я» словно бы должно имитировать первоначальное единство Света и Любви или Отца и Матери, или Неба и Земли, или Шивы и Шакти – здесь можно с легкостью перебросить мостик от христианской к другим традициям.

Двойственность Всевышнего, в том числе, выражается в разном подходе ипостасей к творению.

Свет трансцендентен тварному миру и зажигается лишь как итог его достаточной одухотворенности. Пожалуй, здесь будут уместны следующие строки:

*Свет!
Был бы ты в силах согреть –
Было бы просто.
В синей небесной шинели*

*Ввысь по отвесной скале невесомы
Шли бы к тебе по ту сторону стона
Мы
Сквозь ледяные тоннели
Сквозь ледяные тоннели...
Ледяные тоннели...
Ледяные тоннели...*

Любовь более вовлечена в творение, которое в своем первозданном, неоскверненном виде является ее выражением и формой. По-видимому, *низвержение* и все присущие ему абберрации солнца и луны не имеют к ней никакого отношения. Сам акт творения, помимо иных смыслов, знаменует собой великое разделение между Светом и Любовью, и конечной целью мироздания ставится воссоединение утраченного единства. Иными словами, Любовь ведет свое детище к Свету, будучи более доступной и терпимой к нему в отличие от своего более отстраненного Компаньона. Скажем, в одном индуистском тексте она описана так:

*Ты – процветание, ты – Владычица, ты –
скромность и разум, наделенный знанием,*

*стыдливость, питание, а также хвала,
умиротворенность и терпение.*

Помимо этих и других ее благоприятных проявлений в человеческом сознании, Любовь выражается как стремление к истине или чему-то более прекрасному, чем довольная грубая обыденность, на моем жаргоне – ареал жгута и колец. Это, по сути, стремление к Свету можно назвать *великой жаждой*.

В свете всего сказанного, некоторые фрагменты из священных писаний могут обнаружить зачастую обойденную вниманием сокровищницу смыслов. В Коране есть такие аяты:

*Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша;
в ней светильник; светильник в стекле; стекло –
точно жемчужная звезда. Зажигается он от
дерева благословенного – маслины, ни восточной, ни
западной. Масло ее готово воспламенится, хотя бы
его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах
к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах
притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи!*

Особое внимание стоит уделить маслине ни восточной, ни западной, а также его маслу. Расположение маслины указывает на некую середину, вероятно, срединный путь, то есть Путь.

Масло символизирует женское начало довольно тонкой и возвышенной природы, поскольку оно способно воспламеняться и переходить в тончайшее из сияний – Свет. Стало быть, это масло вполне может быть тождественной *великой жажде*.

Библейское «И Дух, и невеста говорят: прииди!», учитывая, что Дух суть Свет, а невеста – *великая жажда*, перекликается с вышеприведенными аятами. О невесте в Библии имеются и такие строки:

*Вот, придет время, когда придут знамения,
которые Я предсказал тебе, и явится Невеста, и
являясь покажется, скрываемая ныне землею.*

Помимо того, что явление невесты описано как событие явно незаурядное, ее нахождение в земле говорит о ее особой близости к материальному миру несмотря на всю ее утонченность.

Пытаясь найти следы той же невесты, правда уже в другом свадебном облачении – в сари? – Гаури Кундалини или целомудренная невеста Шивы в традиции индуизма кажется

подходящей находкой. В то время, как Библия и Коран больше прибегают к языку метафор, проявления Кундалини и всё, с этим связанное, во многом физиологичны и описываются вполне конкретно и подробно. Скажем, «спальня» Кундалини в человеческом теле расположена в крестцовой кости в основании позвоночника. Предпосылкой к ее пробуждению становится достижение более или менее высокой гармонии солнца и луны или, по крайней мере, стабильность в более низких гармониях, тесно связанных с системой *чакр* и *нади*, энергетических центров и каналов, которая как бы «накладывается» на центральную нервную систему. В идеале, пробужденная Кундалини должна подняться по спинномозговому каналу до области темени. Там, в последней, седьмой по счету чакре находится обиталище Шивы, читай, Света. Ниже приведена более или менее классическая схема этой «тонкой» анатомии (к слову, именно она вдохновила меня на все эти *нити*, *кольца* и так далее):

Я бы мог рассыпать здесь немало цитат и аллюзий к Кундалини, провести еще больше параллелей с Библией и Кораном, но уже сказанное кажется вполне исчерпывающим. Если подытожить: Любовь, или святая любовь, несмотря на всю свою тонкость и таинственность, особым образом вплетена в мир тварный и относится к нему не только, как творец, но и мать, более всего желающая своему детищу одухотворения, то есть установления близких отношений со Светом. В этом плане, особую роль должна сыграть *великая жажда*, она же масло маслины благословенной из Корана, она же библейская невеста, она же Кундалини, целомудренная невеста Шивы. По крайней мере, лично мне всё это видится именно так.

Что касается Света, несмотря на всю его трансцендентность, кажется, он имеет своё слово в творении как отец, т.е. в манере более оценочной, непререкаемой, жесткой, безжалостной. Парадоксально, или вполне закономерно, что обратной стороной подобного стиля будет чрезмерность в любви и прощении. В этом смысле, Свет уравнивает Любовь, ее большую терпимость с одной стороны и не такие крайние формы выражения что в любви, что в гневе с другой. Здесь будет уместным появление третьего начала: *Логос*, изначальное слово или *Сын* является тем средством, что позволяет обоим ипостасям Бога проявляться в творении. Более того, именно благодаря Сыну Свет и Любовь питают к творению отцовские и материнские чувства в отличие, скажем, от каких менее нежных сантиментов или отчужденности, вплоть до безразличия. Для читателя, вероятно, не станет большим сюрпризом, если приравняю Сына к Пути.

Погружаясь снова в сравнительное религиоведение, в свете всего сказанного слова Христа к апостолам «Отныне вы уже не рабы, но сыновья», вероятно, заиграют новыми смысловыми оттенками. В исламе есть понятие «вали» – друг Аллаха, что

указует на возможность особой к Нему близости. В обоих случаях, конечно же, исключается какие-то панибратские отношения или фриivolность. Скорее, речь идет о нежности.

О троиственности Бога или трех божественных ипостасях - Отца, Матери и Сына – можно найти упоминания в довольно несхожих духовных традициях, по крайней мере, внешне. В священном тексте Даосизма «Дао Де Цзин» имеются следующие строки:

*Дао рождает одно, одно рождает два, два
рождают три, а три рождают все существа.*

В традиции индуизма, Ганеш, ребенок Шивы и Шакти, изображается со слоновьей головой. Эта довольно необычная форма, помимо прочего, символизирует его мудрость и невинность. Священный гимн «Ганеша Атхварва Ширша» наиболее полно раскрывает его природу и занимаемое место в мироздании, вполне сопоставимое с Сыном. Христианская Троица вполне может трактоваться в том же ключе, и Святой Дух легко оказывается Матерью или Любовью, или Шакти.

Уж коль речь зашла о христианстве и предположив, что Христос как историческая личность мог быть персонификацией, воплощением Сына, следующие его слова могу быть поняты в более широком контексте:

Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня.

То есть к Отцу приходят не те, кто формально следуют христианским доктринам, а находящиеся в поле Пути и влекомые его силовыми линиями, те, чья маленькая любовь способна утончиться до Любви, а относительно тусклый свет разгореться до Света...

...Если дерзну применить принцип «что внизу, то наверху» к святой святых, полностью закрытой от стороннего глаза, могу задаться вопросом: возникают ли между Супругами конфликты, как это происходит в человеческих семьях? Предположу, что приступы гнева Света по отношению к творению могут быть довольно неприятны для Любви, как бы ни были они справедливы. В конечном счете, она вовлечена в творение намного больше, по-матерински, и способна острее

чувствовать страдания живых существ. В свою очередь, Свет может довольно критично относиться к каким-то деяниям Любви, поскольку способен отчетливее видеть их последствия, в том числе, негативные. Кажется, Любовь больше руководствуется... верой, надеждой и любовью, а не точными расчетами в своих действиях. Этим, помимо прочего, она более склонна испортить, избаловать своё детище. В общем, если имеется сор в самой высокой из изб, читай, какие-то споры или разногласия между Светом и Любовью, остается только гадать, как это всё разрешается.

В начале главы я задал довольно болезненный вопрос о парадоксальной безжалостности святой любви. В конце концов, как стремиться, быть ведомым подобной любовью с полным доверием, без оглядки на торчащие «шипы»? Кто-то сказал, что любовь и страх несовместимы. В свете двойственности или, если угодно, тройственности Бога, этот вопрос может быть в какой-то мере снят.

Касаемо страданий. Уже говорилось, что Бог или, скорее, Его ипостась Любви способна чувствовать агонию живых

существ. В то же время, то, что эти существа могут воспринимать как свое *собственное* страдание, в первую очередь, моральное, есть ничто иное, как реакция Бога на какие-то проявления зла. Эту *взаимную* ранимость от жизни можно считать формой божественной справедливости.

И всё же, по-видимому, Любовь ожидает, что ведомые ею к Свету в границах Пути должны пройти через некоторые испытания или, если угодно, неудобства. Здесь дарами Матери или, если угодно, Сына становится повышенная способность претерпевать трудности, а также мужество выше среднестатистического, включение архетипа героя. Стоит подчеркнуть, что эти испытания, по большей части, связаны с переходом на более высокие стадии гармонии, то есть с преодолением силы инерции луны или каких-то солнечных излишеств. Бессмысленное, неоправданное, разрушительное страдание ни к чему хорошему не приведет.

Как закончить эту главу? Любимый мной Джебран не откажет в помощи:

Тогда просила Аль-Митра:

— Скажи нам о любви.

Он поднял голову, посмотрел на народ, и воцарилось молчание. Тогда он сказал громким голосом:

— Если любовь ведет вас, следуете за ней, хотя дороги ее трудны и тернисты.

Если она осенит вас навеки своими крылами, прислушайтесь к ней, даже если вас ранил меч, скрытый в ее оперении. И если любовь говорит вам – верьте ей, даже если ее голос рушит ваши мечты, подобно тому, как северный ветер опустошает сад.

Ибо любовь венчает вас, но она вас и распинает.

Она растит вас, но она же и подрезает.

Она подымает к вашей вершине и обнимает ваши нежные ветви, дрожащие под солнцем.

И она же опускается к вашим корням, вросшим в землю, и сотрясает их.

Как снопы пшеницы, она собирает вас вокруг себя.

Она обмолачивает вас, чтобы обнажить.

Она просеивает вас, чтобы освободить от шелухи.

Она размалывает вас до белизны.

Она месит вас, пока вы не станете мягкими.

*А потом вверяет вас своему огню, чтобы вы стали
святым хлебом для святого божиего причастия.*

*И это творит над вами любовь, дабы вы познали тайны
своего сердца и через это познание стали частью сердца
Жизни.*

*Но, если убедившись, вы будите искать в любви лишь
покой и уладу, то лучше вам прикрыть свою наготу, и,
покинув гумно любви, уйти в мир, не знающий времен
года, где вы будете смеяться, но не от души, и плакать,
но не всласть.*

Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя.

*Любовь ничем не владеет и не хочет, чтобы кто-нибудь
владел ею, ибо любовь довольствуется любовью.*

*Если ты любишь, то не говори: "Бог – в моем сердце",
скажи лучше: "Я – в сердце божьем".*

*И не думай, что ты можешь властвовать над путями
любви, ибо если любовь сочтет тебя достойным, она
будет направлять твой путь.*

Единственное желание любви – выразить саму себя.

Но если ты любишь и не можешь отказаться от желаний, пусть твоими желаниями будут:

Таять и походить на бегущий ручей, что напевает в ночи свою песню.

Познавать боль от бесконечной нежности.

Ранить себя собственным постижением любви.

Истекать кровью охотно и радостно.

Подниматься на заре с окрыленным сердцем и возносить благодарность за еще один день любви.

Обрекать покой в полдень и предаваться мыслям о любовном экстазе.

Возвращаться вечером домой с благодарностью.

И засыпать с молитвой за возлюбленного в сердце своем и с песней хвалы на устах.

Сейчас, когда всё более или менее прояснилось с добром, злом и так далее, введу еще два принципа, которые помогут увидеть многие вещи в несколько ином разрезе: *Слоновая поступь* и *воры в окне* (было бы странно без нового жаргона, не так ли?). Я также поделюсь своими соображениями о религии, в том числе, о причинах религиозного многообразия. В конце, я соединю всё в жерле сегодняшнего дня со вполне явственными апокалиптическими звоночками.

Я говорил об отклонениях и о том, как они предрасполагают к каким-то низменным вещам. Если мои выкладки верны, скажем, у кого-то в ситуации *необузданного идеализма* будет чрезмерная тяга к грубым удовольствиям, равно как и зависимость от внешнего одобрения своих действий в ущерб внутреннему чувству справедливости. Иными словами, грубость следует также понимать как излишнюю ориентацию вовне. Слишком большая отчужденность от реальности (напомню, что одно из основных качеств солнца – трансцендентность, то есть выход за некие

рамки) может также приводить к диссоциативным психическим расстройствам, той же шизофрении. В ситуации с *подавленной любовью*, главным образом, будет иметь место относительно наивное, приземленное мышление и проявление агрессии к инаковости параллельно с какими-то высокими проявлениями чувств. *Переворот* – доминирование *жгута* и *колец* – означает еще большую направленность вовне, приземленность и хрупкость гармонии. При любой ситуации, будь то отклонения, *переворот* или более или менее здоровые отношения солнца и луны, следствия будут *неотвратимо* проистекают из причин. Эта неотвратимость причинно-следственных связей, в свою очередь, обусловлена движением Пути, которое я решил назвать *Слоновой Поступью*. Помимо аллюзии к слоновьеголовому Ганеше, этим подчеркивается мощь и безостановочность движения (собака лает, слон идет). Если вернуться к уже знакомому образу пружины и представить ее в глобальных масштабах, вертикальное силовое поле, проходящее через ее центр, словно бы подталкивает все виды отношений и зависимостей между солнцем и луной на индивидуальном и коллективном уровне к некоему

логическому исходу. В этом смысле, «падающего – толкни» приобретает метафизический смысл (впрочем, это в равной степени относится и к гармонично устремленным вверх). В этом смысле, высшая или промежуточная справедливость действует довольно нелинейно, асимметрично. В ее основе, в первую очередь, лежат невинные и, вместе с тем, безжалостные законы полярности между солнцем и луной, чем более понятная разуму «оплата той же монетой», «зуб за зуб» и так далее.

Собственно *движения* Пути недостаточно для полной картины без конечной цели всего этого действа: *Божественное «я»* есть некая воронка, куда постепенно закручивается всё человечество. Таким образом, настоящее не только обуславливается прошлым, но и будущим. В продолжении об общей судьбе, отклонения или, скажем, *переворот* происходят не только с отдельными индивидами, но и с целыми обществами или сообществами, из них состоящими. Поэтому весь мир, так или иначе, можно рассматривать в едином поле взаимоотношений солнца и луны. Исторически сложилось так, что Западу оказался более свойственен *необузданный идеализм*,

тогда как *подавленная любовь* присуща больше Востоку со всеми проистекающими из этого последствиями...

...С самой зари человечества (я сторонник того, что историю об Адаме и Еве и другие сродни им следует понимать как аллегории) религиозность была присуща людям как смутное, интуитивное понятие о божественном начале. Иными словами, его источником были, скорее, *кольца*, нежели *витки*. Ввиду своей незрелости, неочищенности, это чувство способно выражаться и в довольно грубых, варварских формах. В конечном итоге, *витки*, то есть более утонченная любовь со всеми ее спутниками, должны были прийти им на замену в процессе развития человечества, в идеале, рука об руку с *нитью* – большей широтой и возвышенностью взглядов. Если же по той или иной причине необходимые компоненты Пути не занимали надлежащие им места в выстраиваемой иерархии, они пытались находить какие-то иные способы и лазейки, как правило, огрубляясь и искажаясь. Иными словами: гони природу в дверь, она влетит в окно. Отсюда и *воры в окне*.

Пример подобного вора – наука, разведенная с нравственностью, или идеология либерализма в целом. Если очень схематично обрисовать его динамику: более высокое мышление, то есть *нить*, не могло найти себе место в ситуации *подавленной любви*, то есть доминирования *жгута*, мышления ограниченного, над довольно высокими религиозными порывами *витков*. Будучи вначале просто отдушиной для *нити*, со временем либерализм приобрел черты *необузданного идеализма* со свойственным ему чрезмерным тяготением к материальности и грубой чувственности. Неизбежное схлопывание *нити* в сторону *колец* повлекло за собой дальнейшее огрубление, и *нить* во многом уступило свои позиции *жгуту*. Иными словами, в окно влез еще один вор, более матерый, а именно капитализм с его неумемной жадой к эксплуатации и обогащению, по сути, *переворот*, довольно опошленная идея гармонии между солнцем и луной. Социализм, в некотором смысле, более благородный вор, попытался выровнять эту ситуацию, исходя из более возвышенного чувства товарищества и братства, то есть *витков*.

Однако, его ограниченная идеология не смогла дотянуть до *нити*, а значит авторитарно, тоталитарно властвовал *жгут*.

В общем и целом, *подавленная любовь* создает предпосылки для *необузданного идеализма*, который, в свою очередь, огрубляется до *переворота* либо идет с ним рука об руку, кишая ворами самых разных калибров и мастей. Поскольку Путь продолжает свой ход, то есть *Слоновья Поступь* ни на миг не останавливается, и некоторое интуитивное понимание высших закономерностей просачивается в сознание, вору будут представлять те или иные аспекты более тонкой, если угодно, духовной реальности в искаженном виде. Помимо уже приведенных примеров, феминизм кажется еще одним вором, являясь, по сути, материальным, конкретизированным выражением *подавленной любви*, выходящей далеко за пределы отношений между полами. Идея свободной любви, понимаемая как сексуальная свобода, есть ничто иное, как профанация идеи освобождения *витков* (стало быть, воровство), суть тонкой любви или прекрасной девы на языке мифа, из-под гнета *жгута*–демона, низкого и ограниченного мышления. Если читатель помнит, она обретает свободу

благодаря *нити*-доброму молодцу, сообщающему взглядам широту и возвышенность. Другой пример: движение ЛГБТ, в котором на передний план выдвигаются феминизированные мужчины и маскулинные женщины суть довольно вульгарная конкретизация *нити* и *витков*, несущих в себе *отпечатки* друг друга. Повальное увлечение домашними животными кажется еще одним видом воровства, поскольку, в некотором смысле, это внешняя компенсация утраченной людьми невинности – фундаментального качества Пути.

Возвращаясь к мотиву «лютой ненависти», еще один источник этого чувства обнаруживается между поляризованными частями или «осколками» Пути. По большому счету, водораздел здесь будет проходить между консерватизмом, которому более свойственна *подваленная любовь*, и его, по сути, «блудным сыном» либерализмом. Последнему присущ *необузданный идеализм*.

Хотя «воровство» подразумевает неестественность и криминальные замашки, существуют и вполне здоровые его формы, в частности, искусство. Оно является воровством или,

если угодно, заимствованием в том смысле, что способно выражать или указывать на еще недостигнутые высокие гармонии. Именно по этой причине «я» *творца* находится довольно низко в иерархии *самости*. Иными словами, творец, будь то музыкант, художник, поэт и так далее, может не соответствовать собственному творчеству, которое, в то же время, может вдохновлять к каким-то свершениям, пробуждать более тонкие движения души. Путь и связанные с ним закономерности, скажем, могут конкретизироваться в культовых сооружениях. В архитектуре храмов это будет комбинации вытянутых и тонких строений, символизирующих солнечную сторону пружины или мужское начало, с более низкими и объемными, олицетворяющими начало лунное, женское. Уже упомянутая буддистская ступа указывает на логику Пути, то есть иерархичность и утончение по мере продвижения вверх. Если переложить это на музыку, индийские раги с их довольно медленным вступлением, постепенным ускорением и кульминацией на высокой ноте отражают тот же принцип...

...Перед тем, как поделюсь своими мыслями в отношении религиозного многообразия, подробнее рассмотрю некоторые детали подавления любви, или святой любви, в контексте религии. Уже говорилось, что *подавленная любовь* становится предпосылкой для *необузданного идеализма*. Однако, эта ситуация может также дать толчок для возникновения новых религиозных течений. В общем, обо всём об этом речь пойдет далее. Я также чуть больше приоткрою завесу моего личного отношения к некоторым религиозным фигурам.

Итак, на протяжении истории приходили индивидуумы, которые представляли или, в более редких случаях, персонифицировали, воплощали Путь, как это было, к примеру, с Иисусом из Назарета, воплощавшем ипостась Сына. Царь Двараки Кришна несколькими тысячелетиями до него был воплощением ипостаси Отца или Света. На санскрите подобное воплощение ипостасей или аспектов Бога именуется «аватар». Более «рядовыми» представителями или глашатаями Пути были: Лаоцзы, Пророк Мухаммед, Гуру Нанак и некоторые другие сиятельные особы, зачастую стоявшие у истоков того или иного религиозного либо

философского течения. Следование за представителями, не говоря уже об аватарах, равносильно следованию Пути. Главным образом, это должно сообщить стабильность в нижние регионы *самости*, в частности, в «я» *слуги*. Некоторое понятие о высшем начале, своды законов и правил, ритуалы очищения, молитвы, техники медитации, космология, философия, искусство, а также рефлексия по поводу своего соответствия заявленным целям и идеалам должны способствовать дальнейшему утончению солнца и луны в более высоких гармониях. По крайней мере, как промежуточное состояние, скажем, мусульмане должны достичь умиротворения (приветствие «салам», то есть мир, суть внешний отголосок этого внутреннего состояния), христиане – невинности, мудрости и любви («Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби», «Все узнают, что вы Мои ученики, если вы будете любить друг друга!»), буддисты – бесстрастности ума и сострадательности. Что касается наивысшего достижения или конечной цели, соискателям в трех упомянутых религиях обещано узреть лик Аллаха на седьмом небе, родиться заново от Духа и достигнуть Нирваны

соответственно. В общем и целом, религия складывается из правильного поклонения, правильных ритуалов, правильных представлений и, что не менее важно, правильных или праведных каждодневных *поступков*. Сюда необходимо добавить тонкую работу Любви, в первую очередь, через *витки*, оживляющую и вдохновляющую всё перечисленное выше. Иными словами, внешняя сторона либо способствует Любви, либо ее затмевает, подавляет, но никак не может ее заменить, даже если соблюдены все, казалось бы, необходимые условия для достижения высоких гармоний.

Что может пойти не так? Поклонение или следование фигуре, не представляющей Путь, наносит тяжелый удар по нижним регионам *самости*, в долгосрочной перспективе внося нестабильность, хрупкость в надстройки более высоких «я». С основными мировыми религиями это, в идеале, не должно вызвать особого беспокойства, если только речь не идет о каких-то тупиковых направлениях, сектах, подобным водоворотам и болотам по окраинам основного течения реки, будь то индуизма, христианства и так далее. Сильное влияние *жгута* и *колец*, сиречь относительного низкого мышления и

страстей в *созерцательном* «я», может стать еще одной серьезной препоной, чреватой, главным образом, ритуализацией в ущерб высоким идеям, чувствам и наитиям *нити* и *витков*. Неправильное, искаженное представление о Боге становится здесь особенно зыбкой почвой. Примером может послужить жесткий религиозный детерминизм, то есть идея о Боге, контролирующем, образно говоря, каждый мышинный писк, каждое рождение и смерть, в общем, всех и вся во вселенной в отличие от Бога несколько отстранённого, предоставившего созданиям свободу действий, естественно, в определенных рамках. Но даже в том случае, когда внешняя, теоретическая сторона религии соотносится с Путем, остается сторона практическая, а именно непосредственное воплощение всех предписаний в духе смирения, терпения и бесстрашия с непрестанной саморефлексией, то есть сохранением интеллектуальной честности, обращенной, в первую очередь, вовнутрь. Это требует, помимо прочего, довольно тонкой, выверенной настройки *созерцательного* «я» наряду с нормальным функционированием и развитостью нервной системы.

С учетом всех необходимых «ингредиентов» для подлинной религиозной жизни, а также данной Богом свободы отклоняться и падать, немудрено, что практически все религиозные течения со временем выхолащивались, ритуализировались, всё менее совпадая с единственно возможным курсом достижения более высоких гармоний в берегах Пути. Иными словами, это неизбежно приводило к ситуации *подавленной любви* в лучшем случае, в худшем – к *перевороту*, то есть удовлетворению грубых страстей под вывеской религии.

Поскольку *подавленная любовь*, по сути, становится матерью всех остальных дисгармоний либо «грубостей» солнца и луны, свойственный ей менталитет заслуживает особого внимания. Ему будут характерны примерно следующие черты: довольно ограниченное, нередко буквальное понимание всего что ни есть в основополагающем священном писании; чувство собственной непогрешимости и превосходства над последователями других религий; довольно детерминистический взгляд на участие Бога во вселенной, в том числе, восприятие ударов судьбы скорее как испытание и

часть Божественного плана, а не результат собственных заблуждений; понимание рая больше как чего-то потустороннего, неземного, нежели состояния сознания; прославление прошлого; профессиональное религиозное образование; каста священнослужителей и строгая иерархия внутри нее; низкий статус женщин. Пожалуй, достаточно.

С другой, более светлой стороны, в ситуации с *подавленной любовью* различие между добром и злом или, скажем, понятие о божественном ли, кармическом воздаянии, какие-то тонкие движения души, главным образом, со стороны *витков* всё же имеют место быть. В каком смысле, религии – это духовные карлики, если смотреть на них во всей строгости заявленных ими самими высоких стандартов. Перекидывая мостик к религиозному многообразию, существование лишь одного карлика намного затруднило бы и без того нелегкое положение Любви в поиске лазеек для своих проявлений, поскольку «абсолютная власть развращает абсолютно». Иными словами, все перечисленные выше негативные особенности «карликового менталитета» усугубились бы еще больше. Существование нескольких карликов, с другой

стороны, потенциально может умерить гордыню и развить нить, читай, более широкие и высокие взгляды, тем самым облегчив участь Любви и открыв новые возможности восхождения, новые гармонии. Вероятно, именно эту мысль передают следующие строки из Корана:

И Мы низвели тебе писание с истиной для подтверждения истинности того, что ниспослано до него из писания, и для охранения его. Суди же среди них по тому, что низвел Аллах, и не следуй за их страстями в сторону от истины, которая пришла к тебе. Всякому из вас Мы устроили дорогу и путь. А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, но... чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах! К Аллаху – возвращение вас всех, и Он сообщит вам то, в чем вы разногласили!

Другой, пожалуй, более ощутимый удар по гордыне карликов – смирение кажется универсальным лекарством и возможностью выровняться – появление святых или просветленных индивидуумов во всех основных религиях без исключения. Иными словами, это указывает на общую глубину вне зависимости от «фасада», и для признания этого нужна

только честность, не больше, но и не меньше. Ради этого одного оправданы международные и межкультурные связи, и непризнание высоких духовных достижений внутри инаковой религиозной традиции кажется одним из наибольших проступков, впрочем, как и все остальные виды нечестности, с точки зрения Пути. Одним из тех, кто легко и изящно проходил через все виды религиозных разногласий и разногласий, был Руми:

*Ни христианин, ни еврей, ни мусульманин,
Ни буддист, ни суфий, ни дзэн*

*Не принадлежу ни одной культуре,
Ни Востоку, ни Западу, ни океану, ни небу*

*Ни земле, ни природе, ни сверхъестественному,
Не состою из элементов, не существую*

*Ни в этом мире, ни в каком другом,
Не рожден Адамом и Евой, без родословной*

*Мое место – нигде, мой путь – без следа,
Без тела, без души*

*Но есть Возлюбленный, Он и я
Слились воедино, в один мир –*

*Первый и последний, внешний и внутренний,
в одно дыхание, в одного человека...*

Ещё одна причина религиозного многообразия, помимо недопущения единовластия одного карлика-монополиста – попытки Пути, собственно, выровнять ту или иную дисгармонию. Попробую показать это на примере буддизма.

Основоположник буддизма принц Гаутама вышел из-под сени индуизма, и многие из положений его учения кажутся реакциями на возникшие к тому времени «болота», «водовороты» и прочие помехи нормальному течению Санатана дхармы (другое название индуизма). Одна из них, существующая и поныне – жесткая наследственная кастовая система во главе с браминами, жрецами и священнослужителями, претендующими на особую близость к Творцу. Сама эта система есть «слепок» логики Пути, согласно которой, действительно, выше всех стоят приблизившиеся к Богу. Здесь, правда, есть одно важное «но»: близость к Богу не зависит от социального происхождения, пола, расы или религиозной принадлежности и определяется достижением

высокой гармонии, а не какими-то наследственными регалиями. Сужение и формализация близости к Богу – это увязывание где-то в регионах «я» *обладателя*, к тому же еще и *воровство*. Атеизм, или более правильным будет сказать, агностицизм, предложенный взамен Буддой Гаутамой, в том числе, предполагает отсутствие необходимости в касте браминов, благодаря чему может проявиться *нить*, сиречь более гибкое мышление.

Еще один пример. Индуистская идея вечной души или Атмана скорее подогривала гордыню, всё то же «я» *обладателя*, чем зиждилась на реальном духовном опыте. Отсюда и отрицание Атмана в учении Будды, что должно было выбить еще одну ложную внутреннюю подпорку. К слову, если *великая жажда* – это форма Любви, то Атман суть отражение Света. Если читатель помнит, *великая жажда* должна зажечь Свет, и гордыня, хотя бы в силу своей грубости, становится здесь только препятствием. В общем, нет идеи Атмана – нет связанной с этим гордыни.

Вместе с тем, в практической стороне буддистского учения сохранились всё необходимое для достижения более высоких гармоний, и хотя его метафизика довольно обезличена или, если можно так выразиться, «обезбожена», за Великой Пустотой угадывается божественное начало, за идеей непостоянства – постоянство как обратная сторона монеты, то есть глубинный покой, за сострадательностью – тонкая любовь и так далее. Кажется, не только в суфийской традиции (читатель ведь помнит про самый страшный грех «быть оскорбленным»?) на истину могут указывать несколько завуалированно...

...О дне сегодняшнем. В индуизме есть понятие четырех космических циклов или «юг». Считается, что в самую темную из них – Кали югу – абсолютный покой или Бог, или истина доходит до самой низкой точки, чтобы, однако, воссиять в следующем по очереди Веке истины – Сатья юге. Лично я это понимаю так: в это время все виды отношений солнца и луны, здоровые и патологические, достигают окончательного логического исхода благодаря *Слоновой поступи*, и происходит что-то вроде великого отсева – всё нежизнеспособное, то есть

вышедшее далеко за пределы Пути, отбрасывается, и остается лишь то, что несет в себе или имеет потенциал к высоким гармониям. Согласно учению индуизма, ближайший отсев должен осуществиться Кальки, воплощением Бога или аватаром, изображенным как всадник на белом коне. Эта же самая идея вполне перекликается со Страшным судом в христианской традиции, Днем воскресения в исламе, приходом Будды Майтрейи в буддизме. Кажется, для всего этого настал самый что ни на есть подходящий момент, поскольку *воры* самых разных мастей уже испытали на прочность и во многом обескровили и измучили человечество, буквально и метафорически, равно как и *карлики* внесли свою лепту в общий разор хотя бы тем, что подготовили для *воров* почву. Помимо страданий невинных существ (впрочем, и в чем-то винных), муки Любви и отвращение Света ко многому происходящему, гнев его также не стоит сбрасывать со счетов. Вместе с тем, чувство неопределенности, витающее в воздухе, кажется, достигло предела. Идеальное время вносить божественную ясность.

Еще. Сегодня, *карлики* и *воры* ополчились друг против друга как никогда раньше, по большому счету, как консерваторы и либералы. Здесь мне бы хотелось предложить читателю один мысленный эксперимент, а именно допустить, что День воскресения, как он описывается, скажем, в Коране, идет полным ходом, и те, кто именуются в писании как «владыки правой руки» и «владыки левой руки» есть никто иные как консерваторы и либералы. Разделение на право и лево вполне увязывается с системой энергетических центров и каналов – эта схема приводилась в предыдущей главе. Владыки правой стороны, читай, консерваторы, используют правый или солнечный канал для самоконтроля – по крайней мере, они пытаются совладать со своими грубыми страстями, как это предписывается традиционной нравственностью. Владыки левой стороны, суть либералы, в этом отношении легко поддаются и ведомы страстями, нежели рассудком. Здесь стоит сказать, что в Коране владыки правой стороны представлены в намного более выгодном свете. Однако, будучи *карликами* на моем жаргоне, в большинстве случаев они не способны достигнуть наивысшей гармонии *Божественного «я»* или

седьмого неба, проводя дальнейшие параллели с Кораном.

Иными словами, им необходимо вначале как следует «распрямиться», я бы сказал – воскреснуть. Воскрешение в исламе, как, впрочем, и в христианстве, часто трактуется буквально, то есть как восстановление умерших тел.

Поскольку ничего подобного не наблюдается (если я ничего не упустил), предложенный мысленный эксперимент может прямо здесь и оборваться. И всё же, пусть читатель сделает еще одно допущение: вероятно, процесс воскресения намного тоньше и... несколько эстетичнее, чем это представляется многим верующим, хотя чреват не менее серьезными духовными и какими угодно последствиями. Об этом в заключительной главе.

Бог вторгнется в этот мир... Это будет концом света: когда на сцену выходит автор, представление окончено. Бог вторгнется, можете в этом не сомневаться. Но какой будет смысл заявлять тогда, что вы на Его стороне, когда привычный мир на ваших глазах растает, как сон, и, сокрушая всё на своем пути, наступит нечто такое, чего вы и вообразить не могли – нечто столь прекрасное для одних и столь ужасающее для других, что никому уже не придется выбирать. Ибо тогда Бог придёт уже не замаскированным, и Его явление будет таким потрясающим, что каждого человека охватит либо непреодолимая любовь, либо непреодолимый ужас.

К. С. Льюис

Вероятно, читатель уже осознал, что претенциозность этого текста немного зашкаливает — чего только стоит мысленный эксперимент с Днем воскресения. Когда речь заходит о подобных вещах, возможно либо «да, да», либо «нет, нет» — остальное от лукавого, чьи углы и укрытия я, в меру своих сил и способностей, постарался осветить. Если меня спросят, действительно ли я верю, что мы живем в те самые «последние дни», отвечу так: не просто верю, а абсолютно в этом убежден. Знаю ли я, чем всё это увенчается? Нет, будущее мне неведомо. Однако, могу раскрыть некоторые важные детали *настоящего*,

не то, чтобы опираясь на Коран, а, скорее, проводя дальнейшие с ним параллели в подтверждение всех моих слов.

Несколько десятилетий тому назад, Нирмала Шривастава более известная как Шри Матаджи объявила, что является воплощением Матери, сиречь женской ипостаси Бога, и Сахаджа Йога, ею предложенная, есть ничто иное, как инструмент Страшного суда или, если угодно, Дня воскресения. Подобные заявления не имеют полутонов: либо «да, да», либо «нет, нет». Иными словами, либо это абсолютная правда, либо откровенное вранье, либо свет, либо тьма – ничего промежуточного.

Многие вещи, описанные в этой книжице, согласуются с учением Сахаджа Йоги, но, пожалуй ее практическая сторона заслуживает особого внимания, а именно массовое, спонтанное пробуждение Кундалини, *великой жажды*, невесты, масла благословенной оливы, также мной упомянутой. Именно способность пробуждать Кундалини, в первую очередь, придает словам Шри Матаджи вес. Если читатель помнит, Кундалини должна подняться по позвоночному столбу и

достичь седьмой чакры на уровне темени. Чего, вероятно, читатель не знает: пробуждение и дальнейшие проявления Кундалини неизменно ассоциируются с физическим ощущением прохлады или тепла на руках и прохладного либо теплого потока, выходящего из темени. Этим всё, конечно же, не ограничивается, но эти ощущения или так называемые *вибрации* указывают на общее состояние *самости*, то есть степень ее гармоничности и чистоты. Прохладные вибрации и поток свидетельствуют о близости к Пути, тогда как тепло или другие, менее приятные ощущения говорят об обратном. Увязывая это с Кораном, строка «их руки будут говорить с Нами» должна предстать в новом свете. Прохладный поток из темени прекрасно соотносится с «источником, откуда пьют рабы божии, заставляя литься его течением», особенно если учесть, что наивысший седьмой уровень рая в Коране, место «прохлады и питья», и последняя седьмая чакра суть одно.

Чисто физическими ощущениями, конечно же, этот опыт не исчерпывается. В идеале, при прохождении Кундалини в седьмую чакру наступает безмыслие или ментальная тишина. В описании рая в Коране есть и такая фраза: «не услышишь ты

в нем болтовни». Что касается эмоций, Кундалини может проявляться и как возвышенная радость, восторг, и как глубокое умиротворение. Собственно, именно эти ощущения более всего соотносятся с райским блаженством, а не прохлада или что бы там ни было ещё. Что касается лично меня, в какой-то мере все эти вещи я испытал на собственном опыте и даже сейчас, когда пишу эти строки, могу чувствовать свою Кундалини. В общем и целом, именно пробуждение Кундалини и всё этому сопутствующее понимается в Сахаджа Йоге как Воскресение или Воскрешение, Последний суд и тому подобное.

Читатель должен получить более или менее ясную картину из текста, по крайней мере, в теории, каковы условия достижения высоких гармоний, и что Любовь, в частности, в ее форме *великой жажды*, то есть Кундалини, во всём этом каким-то образом принимает участие. Насколько я могу об этом судить, у Шри Матаджи была идея создать небольшое сообщество просветленных индивидов, достигших высокой гармонии, чтобы затем перенести этот опыт на всё человечество. В этой связи, в Коране говорится о

«предваривших», стоящих особняком от владык правой стороны и владык левой стороны, то есть тех, кто должен войти в рай первыми. Что касается Сахаджа йогов, кажется, этот — эксперимент? — не особенно удался, особенно, что касается достижения настоящих духовных высот. Здесь я, конечно же, имею в виду и себя самого, не отделяясь от «коллектива». С одной стороны, некоторым нашим оправданием может послужить уже давно предсказанные в Книге Откровения попытки зверя, сиречь *подавленной любви, необузданного идеализма, переворота и низвержения* пожрать дитя, то есть преображенный, одухотворенный мир, и все связанные с этим сложности и опасности. В сущности, сообщество йогов — это маленький срез человечества, которому присущи те же самые слабости и дисгармонии. С другой стороны, ирония всей этой ситуации в том, что более достойные воскреснуть и получить благословения Бога, чем многие из «нашего брата», пребывают в полном неведении о, вероятно, наиболее важном переломной моменте в истории или метаистории человечества, в который всем ныне живущим выпало родиться.

Это при всём при том, что Любовь, кажется, всё менее способна сдерживать Свет от излияния гнева.

Я намеревался написать много чего нелицеприятного о йогах, о каких-то важных деталях жизни Шри Матаджи и, собственно, самой практике Сахаджа Йоги, однако, изменил свои планы. Вместо этого, предложу читателю еще один эксперимент, в этот раз, вполне себе реальный, а не мысленный, благодаря которому, по крайней мере, некоторые описанные здесь вещи могут обрести живую плоть, а не просто словесную оболочку. В самом низу я поместил фотографию Шри Матаджи, дабы читатель попробовал пробудить собственную Кундалини, прямо здесь и сейчас. Если вы — человек верующий, можете это предварить или сопроводить какими угодно молитвами или иными действиями, находиться в святом для вас месте и тому подобное, в общем, принять все необходимые меры предосторожности. Если вы просто человек с открытым умом, то просто сохраняйте открытость. В идеале, необходимо как можно больше расслабиться и, вместе с тем, краем сознания осознавать серьезность и ответственность, даже торжественность этого момента. Итак,

кем бы вы ни были, направьте открытые ладони к фотографии Шри Матаджи и просто обратитесь, вслух или про себя: «Шри Матаджи, пожалуйста, пробудите мою Кундалини».

Прислушайтесь к ощущениям на руках, к тому, что происходит внутри. Затем, поочередно правую и левую ладонь поднесите к темени на некотором расстоянии. И если вы что-либо почувствуете, то, по крайней мере, одно из возможных этому объяснений у вас имеется.

~ *Послесловие* ~

С тех пор, как чуть более месяца назад я заново переписал «Книгу-беспокойство» на английском, я получил один единственный отзыв. Правда, такие отзывы на вес золота. Мне прислала сообщение одна женщина (назову ее Мэй), в котором она благодарила меня за книгу. Мы немного пообщались, и вот что Мэй о себе поведала (перевод с английского):

В 1998 году, со мной случилось нечто, чего я совсем не ожидала, у меня даже не было для всего этого слов. Но я искала, читала и описывала свой опыт другим, и, наконец, набрела на слово «Кундалини», которое было совершенно новым для меня. Тем не менее, оно больше всего подходило для моего опыта.

Я чувствовала, как поток, о котором ты говоришь, какое-то время порывался подняться с самой нижней точки. Но однажды он поднялся полностью, и это было нечто ошеломительное, во мне, словно бы через провод, пронесся мощнейший электрический разряд. Кульминацией всего этого было ощущение безусловной, тотальной любви/блаженства. Подобные переживания случались на протяжении года, и затем постепенно сошли на нет.

И вот, мне уже 68 лет. С тех пор моя жизнь была полна умиротворения и гармонии, это моё обычное состояние. Это то состояние, которое я постоянно пытаюсь в себе поддерживать. Той интенсивности переживаний уже давно нет, но остался покой...

Когда я спросил у Мэй, попробовала ли она проделать предложенный в самом конце книги эксперимент с пробуждением Кундалини, ее ответ был следующим.

Да, я посмотрела на фотографию и проделала это упражнение (минимально, но в расслабленном состоянии), и на обеих руках ощутила покалывание. Не почувствовала никаких изменений в температуре. Но, главным образом, я ощутила умиротворение, исходящее от неё [Шри Матаджи], и это было живительно.

Если меня спросят, является ли Сахаджа Йога единственным путем к Богу, отвечу так: пробуждение Кундалини и вся ее последующая работа является единственным путем, равно как и кульминацией этого пути, или Пути. В Сахаджа Йоге даётся полное знание того, что благоприятствует работе Кундалини, помимо, собственно, ее пробуждения — в этом вижу главное преимущество этой практики, по совместительству инструмента Воскресения.

Вероятно, чего-то более важного, чем эта книжица, мне больше не написать. Как я уже говорил, мне неизвестно, чем увенчаются Последние Дни, и что придет им на смену. По мне, пусть это будет либо тотальное разрушение всего, либо преобразование мира во что-то намного более прекрасное — иначе, всё как-то слишком безобразно и болезненно.

*Полумеры
Наполовину испечены
Бабушкой надвое...
Кошки сѣры,
Ни белы и ни черны,
Когда полночь падает.*

*В полустанке
Лишь до больше, чем людей
От повадки животной.
Христианки-
Нет души полупустей
Наполовину полной*

*Святым Духом.
Этим полутлением Земли
Оба полушария охвачены...
Прям над ухом
Ангел вполголоса жуужжит,
Что пора заканчивать.*